

«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЛШЕБНО-СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В РОМАНЕ И. ЕФРЕМОВА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

Дарья Васильевна Пономарева

кандидат филологических наук, старший преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: dvponomareva@sfedu.ru

ORCID: 0009-0008-8498-2422

Аннотация. В статье впервые предпринимается анализ специфики переосмысления фольклорной волшебной сказочной традиции и ее роли в процессе конструирования системы ценностей утопического будущего в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды». Характерное для сказки противопоставление «своего» и «чужого» трансформируется в сложную систему балансирования на грани между двумя крайностями. Если в сказке «чужое» – это зло, которое подлежит уничтожению, то в утопии Ефремова это необходимое начало как вне человека, так и внутри него, лишь при соприкосновении с которым возможно созидание «своего». Система ценностей Земли будущего базируется на рациональном отношении к жизни как подвиге героической личности, мировосприятие которой определяется совпадением внутренних устремлений человека и полноценной возможности их осуществления. Живущие подвигом герои Ефремова обладают умением распознавать «свое» в «чужом» и «чужое» в «своем», способностью пройти по самой грани над бездной мрака и остаться человеком, истинная мудрость которого заключается в единстве разума и чувств. Противостояние «чужому» – это сражение не ради разрушения иного, а в первую очередь борьба с тьмой внутри самого человека. Основопологающей ценностью для людей Земли на новом витке эволюции является научное знание. Утопическая идея Ефремова заключается не только в обустройстве безопасной жизни на Земле, но и в стремлении человека как носителя разума двигаться вперед, постепенно осваивая «чужое» и расширяя «свое» пространство. Открывая новое, человечество осуществляет свое предназначение, заключающееся в познании Вселенной и самопознании.

Ключевые слова: И. Ефремов, фантастика, сказка, «чужое», «свое», система ценностей, героика, подвиг, утопия

В работах, посвященных творчеству И. Ефремова, неоднократно отмечалось, что деление на «свое» и «чужое» всегда играло ключевую роль в создании художественного мира в произведениях фантаста. При этом большинство исследователей согласны с тем, что в научно-фантастических романах Ефремова оппозиция «свое» / «чужое» отличается скрытым характером и «допускает примирение, точнее, постепенное “освоение” чужой территории» [Агапитова: 43]. Именно поэтому многие образцовые герои писателя пытаются сделать все, чтобы «освоить» как можно больше «чужого» пространства, объединить как можно больше «своих» и сделать весь мир вокруг себя обустроенным и безопасным. В романе «Туманность Андромеды» «освоение» подается как последовательный «путь примирения непримиримого» [Там же]. Закономерно предположить, что для осуществления такой масштабной программы герои должны быть наделены рядом качеств, которые по определению не могут быть случайными элементами и обязаны составлять определенную систему ценностей, то есть единое представление о принципах и идеалах, на основании которых принимаются решения. Характеризуя утопические ценностные ориентиры героев Ефремова, современные исследователи чаще всего рассматривают этот вопрос с социологической точки зрения и приходят к выводу, что в своих произведениях фантаст «показы-

вает невозможность кардинальных преобразований общества без кропотливой работы по изменению сознания человека, по воспитанию свободной и творческой личности» [Беспечанский: 96]. Как нам кажется, такой подход отчасти оправдан, так как Ефремов является одним из основоположников прогрессивной советской фантастики, которая стремилась «моделировать как внутренний мир будущего человека, так и сами человеческие отношения» [Сивиринов: 31], иными словами – на примере вымышленных героев всегда воспитывала своих читателей.

Несмотря на большое количество появившихся за последние десятилетия работ философов, политологов, социологов, историков и культурологов, посвященных идеологическим проблемам, вопросам воспитания и ксенофобии в произведениях фантаста, а также влиянию традиций русской религиозной, античной и восточной философии на творчество Ефремова, до сих пор не предпринимались комплексные литературоведческие исследования утопических идей писателя как единой художественной системы, генетически связанной со сказочной народной культурой и теми представлениями о жизни, которые она отражает. Рассмотрение специфики переосмысления фольклорно-сказочной традиции в романе «Туманность Андромеды» и определение роли традиционной культуры в создании авторской утопической системы ценностей позволит не только по-

новому взглянуть на художественный мир писателя как целое, но и обозначить пути дальнейшего изучения влияния ефремовского творчества как на советскую фантастику 1960–1980-х гг., так и на современную фантастическую беллетристику, которая в последние годы все чаще становится объектом литературоведческих исследований.

Цель нашей работы заключается в выявлении своеобразия трансформации фольклорной волшебной сказочной традиции и определении ее роли в процессе конструирования системы ценностей утопического будущего в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды».

В ходе работы будем опираться на представление о генетическом характере связи волшебной сказки и научно-фантастического романа, которая позволяет говорить об определенном фольклоризме научной фантастики, «запрограммированном самими условиями жанра и не зависящем от субъективных намерений того или иного писателя-фантаста» [Неелов 1986б: 163]. Особо интересна для нас традиционная сказочная оппозиция «свое» / «чужое», которая соответственно читается как противопоставление безопасное / опасное и, достигая апогея, «в итоге приводит к непримиримому противостоянию Жизни и Смерти» [Агапитова: 43]. При рассмотрении утопической системы ценностей обратимся к понятию о модусах художественности как эстетической завер-

шенности, которая предполагает «не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей, и соответствующую ей поэтику» [Тюпа: 37]. В работе применяются сравнительно-исторический, культурно-исторический и аксиологический методы и метод целостного анализа художественного произведения.

В связи с тем, что «Туманность Андромеды» представляет собой довольно объемную и сложную по своей структуре утопию, все своеобразие художественной системы которой невозможно рассмотреть в пределах одной статьи, в качестве материала исследования были избраны «космические» главы романа (главы 1, 3 и 6) и сюжетно связанные с ними эпизоды.

В романе «Туманность Андромеды» выделяется два сюжетных уровня: утопический, описывающий будущее Земли, и «космический», повествующий об экспедиции звездолета «Тантра». Многие исследователи, ссылаясь на воспоминания самого Ефремова, подчеркивают, что именно космическое путешествие ведет за собой весь роман, вносит в повествование о далеком будущем динамику и необходимое напряжение. Чередование «космических» и «земных» глав, как пронизательно отмечает Е. Неелов, выстраивает художественное пространство романа так, что «утопия “прошивается” сказкой», а

тридцать седьмая звездная экспедиция предстает перевернутым сказочным путешествием «туда и обратно»: фантаст начинает с рассказа о пребывании героев в «чужом» мире, а затем «подробно повествует не о пути “туда” (это вынесено в предысторию действия), а наоборот, о пути “обратно”, в “свой” мир, на Землю» [Неелов 1986а: 171].

Заметим, что описанию опасностей космического пространства в «Туманности Андромеды» отведено наименьшее количество глав (три из пятнадцати), но именно в них оппозиция «свое» / «чужое» играет сюжетообразующую роль. Основной целью экспедиции является разведка, то есть намеренное проникновение в «чужой» мир: земляне стремятся выяснить, по какой причине была утрачена связь с одной из планет Великого Кольца. Замолчавшая более семидесяти лет назад Зирда воспринимается жителями Земли как выпавшая из своего обжитого пространства, вдруг ставшая чужой и далекой. Нарушение привычного миропорядка и побуждает космонавтов практически любой ценой, в том числе с риском для собственной жизни, узнать правду о случившемся, восстановить утраченную гармонию и целостность своего мира. Гнетущая неизвестность многолетнего полета усугубляется чувством оторванности от родной планеты, от дома, и почти физическим ощущением враждебности черной окружающей корабль бездны: «Разноцветные огоньки звезд казались игла-

ми света, пронзавшими глаз насквозь» [Ефремов: 11]. При этом опасное путешествие в неведомое разведчики считают своим долгом перед человечеством Земли и всем сообществом Кольца, как и герои волшебной сказки, командир «Тантры» Эрг Ноор и его команда «не выбирают путь, а он сам выбирает героев» [Неелов 1986а: 173]. В разговоре с экипажем капитан прямо заявляет об этом: «Вряд ли мы сможем уклониться от своего прямого долга» [Ефремов: 15].

Подчеркнем, что руководитель экспедиции Эрг Ноор выделяется даже на фоне коллективного героизма своей команды, собранной из лучших специалистов Земли будущего, где «рядовой человек планеты стал подобен древним героям, ненасытным в подвиге, любви и познании» [Там же: 203]. Мировосприятие командира определяется тем, что В. Тюпа назвал героическим модусом художественности, героикой, которая характеризуется конвергенцией «я» личности и миропорядка / универсума как надличностного начала, так как жизненным призванием героя является служение своему сверхличностному долгу и «жертвенное забвение личностью и себя самой» [Тюпа: 38]. Внутреннее самоопределение Ноора полностью совпадает с его судьбой, которую в прямом и переносном смысле определили звезды. Рожденный на одном из кораблей тридцать пятой звездной экспедиции Эрг Ноор в некотором смысле архаичен для большинства землян, так как

в нем сплавлены воедино «свое» и «чужое». Дитя космического путешествия, он рожден для подвига исследователя-первооткрывателя далеких новых миров, то есть изначально призван превращать «чужое» в «свое»: «Моя жизнь на Земле была лишь короткими перебивками звездных путей. <...> Я родился на полпути к двойной звезде <...> и тем самым дважды нарушил законы. Дважды потому, что рос и воспитывался у родителей на звездолете, а не в школе» [Ефремов: 28].

Важно, что свойственная Ноору устремленность вперед к реализации его сопричастности универсуму не имеет ничего общего с бездумным авантюризмом, его подвиг – это тяжелая и ответственная работа для общего блага, а любая потеря воспринимается серьезно. Бессмысленная бравада – это путь в никуда, риск обречь себя и других на участь, которой земляне боятся больше смерти: навсегда остаться в сотнях лет пути от родной Земли. При этом все грозящие экспедиции смертельные опасности оцениваются первоходцами рационально. Исследователи творчества Ефремова неоднократно и, думается, небезосновательно акцентировали внимание на том, что писателю была близка «рациональная этика буддизма, в которой он видел альтернативу современной ему коммунистической идеологии, отрицающей всякую связь с прошлым и религиозной традицией» [Сяэск: 148]. Если сказочный герой пользовался волшебными предметами и чудесным

оружием, то ученые Ефремова для своего подвига вооружаются научным знанием и исследовательским опытом. Одной из базовых ценностей для жителей будущей Земли, по замыслу фантаста, является разум.

Идея о необходимости рационального научного подхода к жизни находит подтверждение в трагической истории Зирды, которая из-за бесконтрольных экспериментов превратилась в мертвую радиоактивную пустыню. Описание погибшей планеты предстает фантастическим вариантом «нечеловеческого, “чужого” мира, мира смерти» [Неелов 1986а: 171]. На смену волшебнo-сказочному темному лесу, традиционнo играющей роль границы между мирами, непроницаемой преграды, которая задерживает пришельца и «окружает иное царство» [Пропп: 41], в романе приходит бескрайний «ковер» бархатно-черных цветов: «Заросли черных маков протянулись на тысячи километров, заменив собою все: леса, кустарники, тростники, травы» [Ефремов: 17]. Погруженная во тьму Зирда напоминает растерзанный труп: «Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции» [Там же: 16–17]. Ужасающее запустение «чужого» мира прямо связывается землянами с неразумной деятельностью жителей мертвой планеты. В то же время люди будущего, призванные силой собственного разума превращать «чужое» в «свое», оптимистичны и

полны энтузиазма созидателей, ведь планета и ее звезда целы. Ободряя команду, Эрг Ноор уверенно рисует перед своими слушателями и читателями романа картину будущей, обновленной, вновь ставшей «своей» Зирды: «Не пройдет и века, как мы засеем и заселим ее» [Там же: 18].

Героический оптимизм первопроходцев дает экипажу «Тантры» силы двигаться вперед, несмотря на то, что научно-фантастическая путь-дорога, как и волшеббно-сказочная, заводит их все дальше в «чужой» смертельно опасный мир Железной звезды, когда-то уже ставший могилой пропавшего много лет назад земного звездолета «Парус». Планета черного погасшего светила предстает воплощением смерти, психологически и физически испытывающей героев, которым приходится бороться за жизнь в условиях тройной силы тяжести, ураганного ветра, сотрясающих небо молний, чудовищного холода и вечного мрака. Даже то, что разведчики принимают за местные растения, очередной инопланетный аналог темного леса, больше напоминает неживую материю: «Толстые стебли поднимали на высоту почти метра черные, параболически углубленные чаши, зазубренные по краю, точно шестерни, – не то листья, не то цветы» [Там же: 82–83]. В «космических» главах постоянно подчеркивается, что наибольшей опасности всегда подвергались исследователи «обитаемых, но безлюдных планет», то есть планет, на кото-

рых есть растительная и животная жизнь, но нет носителей разума, единственных, кто своими знаниями и трудом могут превратить первобытный сгусток материи, живущий по законам джунглей, в настоящий дом, сделать «чужое» «своим»: «Основная деятельность животной жизни: убивая – пожирать и пожирая – убивать <...>» [Там же: 73–74].

Черная планета не просто стремится уничтожить землян физически, мир тьмы способен разрушить внутреннюю гармонию в душах героев. Таким вторжением «чужого», например, выглядит реакция астронома Пура Хисса, срывающегося на навигатора Пела Лина, невольная ошибка которого обрекла экипаж «Тантры» на медленную смерть во мраке Железной звезды. Осознание неотвратимой опасности, срывая покров высоко развитой цивилизации, блестящих образования и воспитания, вдруг превращает землянина эпохи Кольца в вопящее существо с неузнаваемым исказившимся лицом, которое для выражения своих эмоций использует «давно вышедшие из употребления бранные слова пращуров» [Там же: 71], и становится в этот момент таким же далеким и «чужим» для своих товарищей, как и человек темных веков Земли: «Страх, жалость к самому себе и жажда мести стерли всякие мысли с лица ученого» [Там же]. Как нам кажется, в тяжелые минуты испытаний земляне начинают ощущать внутреннюю оторванность от миропорядка, собственное бессилие перед хто-

ническим могуществом «чужого», которое в силу своей природы человек просто не может преодолеть. На смену героическому сопадению с универсумом приходит чувство «панической неуверенности в себе» [Тюпа: 40], осознание собственной недостаточности и самозванства, которое можно охарактеризовать как своеобразный «сатирический» (согласно системе ценностных ориентаций В. Тюпы) кризис мироощущения.

Не избегает пагубного воздействия «чужого» мира и Эрг Ноор, самый опытный и подготовленный из разведчиков. Всегда сдержанный руководитель экспедиции, увидев свою возлюбленную Низу неподвижно распростертой на холодной черной земле смертоносной планеты, теряет голову и поддается захлестывающей его первобытной ненависти: «С не испытанным ранее чувством жестокой ярости Эрг Ноор направил разрушительную струю излучения к скалам-воротам, с особой тщательностью подметая равнину <...>» [Ефремов: 102]. Ценностный кризис Ноора, как нам кажется, имеет обратный (по отношению к сатирическому самозванству) вектор и заключается в ощущении трагической избыточности «внутренней данности бытия (“я”) относительно его внешней заданности» [Тюпа: 42], которое осложняется столкновением долга командира (общего дела) и чувства к Низе Крит (личного счастья). Стремясь максимально реализоваться и как исследователь, и как человек, Эрг Ноор

бросает вызов универсуму, пытаясь взять на себя даже больше, чем требует от него его героическая судьба первопроходца. Как руководитель экспедиции, он знает, что ему неизбежно придется чем-то жертвовать, но как возлюбленный Низы Ноор всеми силами старается не допустить этой жертвы. В итоге чувство ответственности руководителя за ошибки и безопасность его подчиненных оборачивается для капитана «Тантры» тем, что отчасти напоминает трагическую вину.

Апогеем столкновения «своего» и «чужого» на планете Железной звезды можно назвать нападение на разведчиков летающих медуз и черных крестов, представителей враждебной фауны, которые могут напрямую воздействовать на психику людей: «Начальник запнулся. Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало сокрушающую тоску в сердце <...> Гордая воля человека сникла, заменившись тупой покорностью» [Ефремов: 101]. Встретившись со смертью лицом к лицу и избежав ее во тьме «чужого» мира благодаря жертвенной любви Низы Крит, Ноор осознает, что поклонение красоте и героическое служение во благо всей Земли составляют единое целое гармоничного бытия, к которому должен стремиться каждый человек: «мир един, а не поделен на “зоны”», «только через объединение можно достигнуть высшего взлета человечества» [Агапитова: 43]. Сражаться можно только за то, что любишь: «<...> чем прекраснее и любимее моя плане-

та, тем больше хочется послужить ей. <...> так, чтобы я прошел и оставил после себя реальный кусочек сделанного моими руками, головой» [Ефремов: 97]. Так, проходя через ужасы черной планеты и собственные сомнения, герои Ефремова в конечном итоге утверждаются в системе ценностей созидателей, привитой им с рождения на Земле.

Ценой немалых потерь земляне выходят из испытания победителями благодаря своим знаниям, опыту и взаимной поддержке. Экипаж «Тантры» с гордостью, свойственной всем героическим личностям с их «причастностью к сверхличному содержанию миропорядка» [Тюпа: 38], выполняет свой долг и приносит в дар человечеству всего Кольца новые знания о Вселенной и память о найденном «Парусе». Разведчики сохраняют уникальную способность, которой наделены все любимые герои Ефремова: умением разглядеть «свое» в «чужом», пройти по самой грани опасной тьмы и остаться собой. Земляне, которые восхищались красотой чужих звезд еще на пути к Зирде, в конечном итоге как личную потерю воспринимают гибель и таинственного инопланетного спиралодиска, ставшего своего рода памятником неизвестным братьям по разуму, которые тысячи лет назад так же боролись за жизнь и нашли свой последний приют во мраке Железной звезды.

В связи с этим интересно, что после долгих лет скитания в бездне космоса факти-

чески обреченные на смерть в дали от дома разведчики с нетерпением торопятся ощутить под ногами пусть и чужую, но твердую почву черной планеты, понимая, что их ждет не гибель, а тяжелая борьба, поражение, которое сильный духом и вооруженный знанием может превратить в победу. Символично, что помощь в этой борьбе разведчики получают в определенном смысле из рук своих погибших (убитых и ставших частью «чужого» мира) товарищей с «Паруса», которые в условиях критической силы тяжести смогли посадить звездолет и сохранить запас топлива, использованный впоследствии «Тантрой» для возвращения домой: «Наши погибшие сестры и братья спасают нас! Разве не чувствуете вы руку сильного человека Земли!» [Ефремов: 88]. О торжестве разума, который способен справиться с первобытной тьмой «чужого» вокруг и внутри человека, заявляет и Эрг Ноор, решительно отказываясь от медицинского подавления своих переживаний о судьбе раненой Низы Крит: «Я не отдам своего богатства чувств <...> Страдание, если оно не выше сил, ведет к пониманию, понимание – к любви – так замыкается круг» [Там же: 161].

Важную роль в путешествии героев по «чужому» миру играет звездолет «Тантра», который предстает в романе научно-фантастическим аналогом корабля-дома как «предельно освоенного, цивилизованного пространства» [Неелов 1986а: 73]. Корабль – это

маленький кусочек далекой Земли, не только защищающий экипаж от смертельных опасностей бескрайнего звездного океана Вселенной, но и мгновенно подстраивающийся под нужды людей: «внутреннее пространство космического корабля в большей степени отражает настроения и переживания героев» [Осьмухина, Майорова: 39]. Интересно, что в непосредственном столкновении с мраком «чужого» мира земной корабль описывается как живое существо, рвущееся защитить разведчиков, что отсылает к основной функции птицы и крылатого коня, волшебным помощникам, которые традиционно осуществляли «посредничество между двумя царствами», уносили героя сказки в тридцатое царство [Пропп: 148]: «Загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз, навстречу скалам и океанам неведомой планеты» [Ефремов: 79]. Опустевший «Парус» качества проводника и защитника во враждебном мире утрачивает: «Нетронутые растения и открытая дверь – значит, давно уже люди не пользовались этим путем, не охраняют свой маленький земной мирок от чужого» [Там же: 83]. Отметим, что замкнутость корабля, с одной стороны, охраняющая от непредсказуемых опасностей космоса, с другой стороны, воспринимается как вынужденная несвобода, противопоставленная вольной безопасности родной планеты.

«Тантра», корабль-дом, является для команды ученых не только местом работы,

тяжелого, ответственного, приносящего удовлетворение труда, но и пространством жизни, которое наполняет чувство братства, унаследованное из народной волшебной сказочной традиции всеобъемлющее ощущение родства как «любви к жизни, противопоставленной слепой разрушительной силе природы как в самом человеке, так и вне его» [Неелов 1986а: 176]. Коллектив первопроходцев, объединенных общей целью, становится настоящей семьей. Значимо, что Эргу Ноору, центральному герою «космических» глав, даруется и любовь. В обеих своих ипостасях, гармонично дополняющих друг друга, на посту руководителя экспедиции и в качестве возлюбленного самоотверженной Низы, командир «Тантры» полностью реализует все свои силы и возможности, что в контексте фольклорно-сказочной традиции представляется обретением полноценного счастья: «...герой осуществил свое жизненное предназначение, в этом – его судьба и в этом – его счастье» [Там же: 105]. Для Ноора принятие героической судьбы – это искомый и единственно возможный путь к своему счастью. Можно говорить, что герой приходит к утопически совершенному мировосприятию, которое понимается как «завершенность, некий оптимум, нейтральность, которая достигается не через борьбу, а по принципу дополнительности» [Мызникова: 132].

Ощущение братства, делающее маленький мирок земного звездолета «своим», на-

прямую связано с категорией памяти как одной из основополагающих ценностей человечества Земли. В первую очередь память для экипажа «Тантры» – это воспоминания о родной планете, которые вещественно представлены в виде электронных записей книг, фильмов и музыки, помогающих пережить «утрату своей прекрасной Земли, пропавшей, как песчинка, в глубинах бесконечной тьмы» [Ефремов: 23]. Особо необходимо подчеркнуть, что для космонавтов память о доме воспринимается не только как прошлое, но и как будущее, к которому они прокладывают путь в настоящем всей своей жизнью-подвигом, ежедневной напряженной научной работой и отчаянной борьбой со смертельными опасностями «чужих» миров. Обозначенная связь времен выстраивает в романе Ефремова своего рода ось ценностей, которая слагается из обязательных компонентов пути человека (и всего человечества) к счастью: память о прошлом – знание о настоящем – мечта о будущем.

Ключевую роль в жизни человека фантаст отводит научному знанию. Подтверждается это и решением разведчиков, которые сначала перевозят на «Тантру» личные вещи членов экипажа «Паруса», предназначенные для передачи родственникам погибших, и все записи о научных открытиях, которые успели сделать их коллеги, и только после этого занимаются переправкой топлива, от которого зависит их собственное возвращение

на родину. Все записи погибших товарищей для разведчиков с «Тантры» – это не только память лично о них, но и часть общего наследия всего человечества, ведь «воспроизводство накопленного культурного опыта <...> одна из основных задач воспитания, без такого воспроизводства невозможно само существование человеческой культуры и цивилизации» [Емельянов: 20]. «Победное шествие знания» [Ефремов: 159], постепенное освоение «чужого», которое облегчает жизнь людей, делает ее лучше, интереснее, содержательнее, практически становится для человечества Земли своеобразным символом веры и понимается как истинная «красота жизни» [Там же] во всех ее проявлениях.

Важное место в жизни землян, умеющих разглядеть прекрасное как в «своем», так и в «чужом», занимает искусство. Давно подмечено, что в художественном мире Ефремова решение научной проблемы «системно до закономерности коррелирует с областью прекрасного» [Московкина: 51], а идея этического совершенства неразрывно связана с эстетикой. Так, управляющий звездолетом Эрг Ноор напоминает пианиста: «Руки начальника экспедиции замелькали с быстротой пианиста над рукоятками и кнопками расчетной машины» [Ефремов: 10]. Виртуозно проложенный командиром курс корабля кажется экипажу настоящим произведением искусства, результатом «большого труда и величайшей точности» [Там же: 35]. Исправ-

но работающие механизмы «Тантры» сравниваются с успокаивающей, почти убаюкивающей, песней, а любое отклонение, спровоцированное губительным воздействием космического пространства, оборачивается нарушением в музыкальной гармонии «своего» мира: «Привычно тихо пели приборы, настроенные на определенную мелодию, – малейший беспорядок отозвался бы фальшивой нотой» [Там же: 22]. Осмыслить разрушительную стихию «чужого» разведчикам тоже помогает музыка: вдохновившись трагической судьбой Зирды, астроном Ингрид Дитра и инженер Кэй Бэр на обратном пути пишут симфонию «Гибель планеты».

Интересно, что музыка и связанный с ней сон признаются медициной Земли серьезными лекарственными средствами, которые могут благоприятно влиять на здоровье человека. Сон, традиционно воспринимаемый в фольклорной сказке как временная смерть, становится в романе Ефремова атрибутом «своего», то есть фактически освоенного и отчасти покоренного «чужого» мира. Сон, подчиненный воле человека, противостоит смерти, безграничным пространству и времени: гипнотический сон-анабиоз помогает первопроходцам пережить долгие годы полета на корабле. И именно сон, напоминающий медицинскую кому, позволяет сохранить жизнь парализованной Низе Крит, вылечить которую могут только врачи на Земле.

Возвращение домой, в «свой» мир, в итоге оказывает на весь экипаж «Тантры» исцеляющее действие. Окончательно избавляется от последствий ценностного кризиса и Эрг Ноор. Вновь ощутив себя в пространстве безопасной родной Земли, наполнившись огромной благодарностью «ко всем людям, к земной природе, принимавшим участие в спасении его рыжекудрого астронавигатора» [Там же: 302], командир тридцать седьмой звездной экспедиции вновь убеждается в том, что эта красота жизни торжествует в том числе и благодаря его работе космического первопроходца, героической жизни-подвигу, в которой обретение личного счастья не только не противоречит долгу перед универсумом ради общего блага, но и умножает силы «звездного» работника.

Отправляясь в тридцать восьмую экспедицию на «Лебеде», который вернется на Землю через сотню лет и уже с другим экипажем, Ноор и Низа находят свою дорогу к счастью. В фольклорно-сказочной традиции «бесконечная дорога (в отличие от литературы) – это дорога к смерти» [Неелов 1986а: 177]. Отлет «Лебеда», стартующего под звон большого колокола и оставляющего после себя выжженную огнем пустыню, отправляет к символике похоронного обряда: «<...> темную равнину пронизывал этот душераздирающий вой, и более впечатлительным людям казалось, что это сам корабль кричит в тоске прощания» [Ефремов: 349]. Так, роман

начинается и заканчивается описанием путешествия из «своего» мира в «чужой». Но в утопии Ефремова путь в один конец для экипажа отдельного звездолета оборачивается продолжением общего дела Земли, ведь одна экспедиция сменяет другую, продолжает ее работу. Значимо, что «Лебедь» отправляется на разведку в звездную систему, из которой когда-то прибыл инопланетный спиралодиск с планеты Железной звезды. Провожаящие чувствуют не тоску, а «великую и печальную гордость» [Там же] за улетающих друзей и все человечество, которая характерна для сильных личностей героического мироощущения. Поэтому эпизод прощания с кораблем в финале романа можно трактовать шире, как обряд перехода (к которым относится в том числе и свадьба), то есть как продолжение пути в новом качестве. Символично, что старт звездолета совпадает для Эрга Ноора и Низы Крит с рождением их семьи. Решение Низы обзавестись детьми в экспедиции по-своему повторяет и продолжает путь матери Ноора, а их детям, вероятно, предстоит завершить первую земную экспедицию в другую галактику и продолжить путешествие человечества к звездам. Наследники первопроходцев и всей Земли своим путем преобразования «чужого» в «свое» проложат дорогу к будущему.

Подводя итог, заметим, что свойственное фольклорной сказке противопоставление «своего» и «чужого» трансформируется в романе «Туманность Андромеды» в сложную

систему балансирования на грани между двумя крайностями, бесплодной праздностью утопического благополучия и падением во тьму первобытных инстинктов. Если в сказке «чужое» было исключительным злом, которое подлежало уничтожению, то в утопии Ефремова это необходимое начало как вокруг, так и внутри человека, только при соприкосновении с которым возможно утверждение и созидание «своего».

Система ценностей утопической Земли базируется на рациональном глубоко сознательном отношении к жизни, представляющей подвигом героической личности, мировосприятие которой определяется гармоничным совпадением внутренних устремлений человека и полноценной возможности их осуществления. Живущие подвигом герои Ефремова обладают умением распознавать «свое» в «чужом» и «чужое» в «своем», способностью пройти по самой грани над бездной мрака и остаться человеком, истинная мудрость которого заключается в гармоничном единстве разума и чувств. Любое противостояние «чужому» – это сражение не ради разрушения иного, а в первую очередь борьба с тьмой внутри самого человека.

Основополагающей ценностью для людей Земли на новом витке эволюции является научное знание, не только облегчающее жизнь человека, но и делающее ее полноценной, наполненной свободным трудом и творческим отдыхом, одинаково приносящими счастье и

удовлетворение. Утопическая идея Ефремова заключается не только в обустройстве безопасной и безмятежной жизни на Земле, но и в естественном стремлении для человека как носителя разума двигаться вперед, постепенно осваивая «чужое» и расширяя «свое» пространство. Открывая новое, человечество осуществляет свое истинное предназначение, заключающееся в познании Вселенной и органически связанным с ним самопознанием.

Литература

- Агапитова, Е.К. Фантастический мир И.А. Ефремова: происхождение, развитие, закономерности. В 2-х частях. Часть 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017.
- Беспечанский, Ю.В. Преломление традиций русской философии в художественном творчестве Ивана Ефремова (на материале романа «Час Быка») // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 93–96.
- Емельянов, И.С. Проблемы воспитания в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 19–22.
- Ефремов, И.А. Туманность Андромеды. М.: Издательский Дом ОНИКС, 2000.
- Московкина, Е.А. Метафизика искусства в ранних рассказах И.А. Ефремова // Вестник СПбГИК. 2018. № 3(36), сентябрь. С. 48–52. DOI: 10.30725/2619-0303-2018-3-48-52
- Мызникова, Е.А. Частные проявления научно-философского эволюционизма в творчестве И. Ефремова // Филология и человек. 2012. № 4. С. 131–138.
- Неелов, Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986а.
- Неелов, Е.М. Жанровая специфика научной фантастики и поэтика фольклорной волшебной сказки // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. / под ред. А. В. Западова и др. Петрозаводск, 1986б. С. 158–166.
- Осьмухина, О.Ю., Майорова, Д.А. Специфика конструирования фантастического мира в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1. С. 29–40. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_29
- Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
- Сивиринов, Б.С. Позитивное общество будущего: научная фантастика и социальное знание (к постановке проблемы) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 29–34. DOI:10.24158/tipor.2021.10.4
- Сязек, И.В. Что скрывает «Туманность Андромеды»? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 9(781). С. 145–151.
- Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

References

Agapitova, E.K. (2017). *Fantasticheskiy mir I.A. Efremova: proiskhozhdeniye, razvitiye, zakonomernosti. V 2-kh chastyakh. Chast' 2* [The science fiction world of I.A. Efremov: origin, development, patterns. In 2 parts. Part 2]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.

Bespechanskiy, Yu.V. (2014). Prelomleniye traditsiy russkoy filosofii v khudozhestvennom tvorchestve Ivana Efremova (na materiale romana "Chas Byka") [The refraction of the traditions of Russian philosophy in the artistic work of Ivan Efremov (based on the novel "The hour of the bull")]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnyye nauki"* [Bulletin of South Ural State University. Social Sciences and Humanities], 14 (1), 93–96.

Emel'yanov, I.S. (2017). Problemy vospitaniya v romane I.A. Efremova "Tumannost' Andromedy" [The problems of upbringing in I.A. Efremov's novel "Andromeda"]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philology. Theory & Practice], 11(77), 19–22.

Efremov, I.A. (2000). *Tumannost' Andromedy* [Andromeda]. Moscow: ONYX.

Moskovkina, E.A. (2018). Metafizika iskusstva v rannikh rasskazakh I. A. Efremova [The metaphysics of art in the early stories of I. A. Efremov]. *Vestnik SPbGIK* [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture], 3(36), 48–52. DOI: 10.30725/2619-0303-2018-3-48-52

Myznikova, E.A. (2012). Chastnyye proyavleniya nauchno-filosofskogo

evolyutsionizma v tvorchestve I. Efremova [Particular manifestations of scientific and philosophical evolutionism in the works of I. Efremov]. *Filologiya i Chelovek* [Philology and Human], 4, 131–138.

Neyelov, E.M. (1986a). *Volshebno-skazochnyye korni nauchnoy fantastiki* [The magical and fairy tale roots of science fiction]. Leningrad: Leningrad University.

Neyelov, E.M. (1986b). Zhanrovaya spetsifika nauchnoy fantastiki i poetika fol'klornoy volshebnoy skazki [Genre specifics of science fiction and the poetics of a folklore fairy tale]. In A.V. Zapadov et. al (Eds.), *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 158–166.

Os'mukhina, O.Yu., & Mayorova, D.A. (2021). Spetsifika konstruirovaniya fantasticheskogo mira v romane I.A. Efremova "Tumannost' Andromedy" [The specifics of constructing a fantasy world in I.A. Efremov's novel "Andromeda"]. *Vestnik Volzhskogo Universiteta Imeni V.N. Tatishcheva* [Bulletin of V.N. Tatishchev Volga State University], 1(1), 29–40. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_29

Propp, V.Ya. (2000). *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.

Sivirinov, B.S. (2021). Pozitivnoye obshchestvo budushchego: nauchnaya fantastika i sotsial'noye znaniye (k postanovke problemy) [A positive society of the future: science fiction and social

knowledge (towards a problem statement)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 10, 29–34. DOI: 10.24158/tipor.2021.10.4

Syaesk, I.V. (2017). Chto skryvayet “Tumannost’ Andromedy”? [What does “Andromeda” hide?]. *Vestnik MGLU*.

Gumanitarnyye Nauki [Herald of Moscow State Linguistic University. Humanities], 9(781), 145–151.

Tyupa, V.I. (2002). *Khudozhestvennyy diskurs (Vvedeniye v teoriyu literatury)* [Artistic discourse (An introduction to literary theory)]. Tver’: Tver State University.

Для цитирования: Пономарева, Д.В. «Свое» – «чужое»: трансформация волшебно-сказочной традиции как способ конструирования системы ценностей человека будущего в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 109–124. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-109-124

For citation: Ponomareva, D.V. (2024). “One’s own” – “Someone else’s”: the transformation of the fairy-tale tradition as the value system construction for man of the future in I. Efremov’s “Andromeda”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (3), 109–124. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-109-124

“ONE’S OWN” – “SOMEONE ELSE’S”: THE TRANSFORMATION OF THE FAIRY-TALE TRADITION AS THE VALUE SYSTEM CONSTRUCTING FOR MAN OF THE FUTURE IN I. EFREMOV’S “ANDROMEDA”

Darya V. Ponomareva, PhD in Philology, Senior Lecturer at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: dvponomareva@sfnu.ru

Abstract. In the article the first attempt is made to examine the specifics of the folklore fairy-tale tradition and its role in the process of constructing a value system of the utopian future in I. Efremov’s novel “Andromeda”. The contrast of “one’s own” and “someone else’s” characteristic of the fairy tale is transformed into a complex system of balancing on the edge between two extremes. If in the fairy tale “someone else’s” is evil that must be destroyed, then in Efremov’s utopia it is a necessary element both outside of man and inside him, only in contact with which the creation of “one’s own” is possible. The value system of the Earth of the future is based on a rational attitude to life as a heroic act of personality, whose worldview is determined by the coincidence of a person’s inner aspirations and the possibility of their realization. Efremov’s heroes, who live according the idea of heroic deed, have the ability to recognize “their own” in “someone else’s” and “someone else’s” in “their own”, the ability to pass abyss of darkness and remain the man, whose true wisdom lies in the unity of mind and feelings. Opposition of the “alien” is not a battle for the destruction of the other, but first of all a struggle against the darkness inside the person himself. The fundamental value for the people of the Earth at a new stage of evolution is scientific knowledge. Efremov’s utopian idea is not only to arrange a safe life on the Earth, but also in the desire of man as a carrier of reason to move forward, gradually mastering the “alien” and expanding “his” space. By discovering new things, humanity fulfills its destiny, which consists in the knowledge of the Universe and self-knowledge.

Key words: I. Efremov, fiction, fairy tale, “someone else’s” (“alien”), “one’s own”, value system, heroics, heroic act, utopia

